

5

ЗВЕСТИИ
МОСКВА

- 7 ОКТ 1963

ЕСТЬ проблемы, которые следуют за нами всю жизнь, о которых мы знаем, и в разговоре, если такой случается, справедливо называем вечными: и все-таки не всегда, не каждый день вдумываемся в них, в их существо, в их все новые и все более сложные, глубокие проявления. Нам даже бывает вроде неловко заводить речь о «явном», «общезвестном», а на самом деле неизведанном, вечном и обязательном, то есть необходимом. Необходимом для творчества и, значит, для жизни.

Порой при знакомстве с новым произведением возникает какое-то противоречивое чувство. Казалось бы, вещь написана на вполне профессиональном уровне, тема взята интересная. И все-таки остаешься неудовлетворенным. Какой-то внутренний изъян, какой-то балласт все время приземляет намерения автора, мешает все больше и больше, и в конце концов еле заметно раздражение вырастает в недоверие ко всему, о чем говорит автор. Перед нами благополучное, но далеко не убедительное произведение. Оно не оставляет в вашем сознании следа. О нем не можете сказать худого слова, но и доброе, не кривя душой, вымолвить трудно.

Речь идет не об авторской неудаче, не о творческом срыве или явной недобросовестности. Фальшивая нота, которая упрямо звучит и мешает вам, запрятана где-то глубоко, обнаружить ее не просто.

Если же, не боясь быть «банальным», обратиться к общеизвестным истинам и прямо спросить, мог ли автор не написать это произведение, вызвано

ПРОБЛЕМЫ БОЛЬШОГО ИСКУССТВА

О ЧЕМ МЫ ДУМАЕМ,
О ЧЕМ СПОРИМ

ли оно к жизни неодолимой потребностью высказаться, поведать людям о пережитом, передуманном, выношенном?

Боюсь, что на этот «наивный» вопрос придется ответить отрицательно, и фальшивая нота обнаружит сама себя.

Когда глубина содержания подменяется «глубокомыслием», форма — ловкой схемой, искренность, убежденность, взволнованность — ложным пафосом и мещанской слезливостью, новаторство — модой, мастерство — профессиональной сноровкой, искусство уходит, выступает воинствующая серость. Таков закон творчества.

Серость любит прикрыться звонким заголовком, «эффектной» программностью, злободневным лозунгом. Это «смущает» некоторых, и они молчат, хорошо понимая, что ничего настоящего, достойного обозначенной в заголовке темы нет в сочинении, что есть только профанация темы.

Мы обязаны выступать против всяческой фальши в искусстве, против безответственности художника. И, конечно же, слова необходимо подкреплять делом, творчеством. Талантливые, сильные, волнующие человека произведения всегда были, есть и будут самыми беспристрастными разоблачителями серости, поверхностности, посредственности. Это, по-моему, тоже закон творчества.

Такие произведения не создаются легко. В искусстве много путей, но к высокой цели ведут трудные, суровые дороги. Именно по ним призывает идти партия. Ее мудрое слово, прозвучавшее на встречах руководителей партии и правительства с творческой интеллигенцией и в дни июньского Пленума

ЦК КПСС, еще раз напомнило о призвании, о долге советского художника, о его ответственности перед нашим временем — истинах вечных и всегда новых.

Наши творческие союзы должны еще более непримиримо относиться к фактам делячества, творческой беспринципности, к людям, компенсирующим (и порой довольно успешно) недостаток дарования и мастерства трескучей фразой, претенциозностью, попой.

Все-таки на развитие таланта, на самый характер творчества, степень глубины, серьезности, значительности того, что делает художник, его человеческий уровень влияет очень сильно. Разве мало мы видели примеров в жизни, когда природная одаренность в конце концов была уже не в состоянии скрыть от слушателей, читателей, зрителей интеллигентного, мелкого, ограниченного человека, потерявшего право говорить с ними от имени искусства? Или мы не знаем людей, забывших о строгости в отношении к себе и потому не почувствовавших ту грань, за которой убежденность оборачивается самоуверенностью, перерастает в самодовольство? Тут ни о творчестве, ни о поисках уже и речи нет.

Не случайно творческий поиск определяют как неустанный. От чистого повторения слово это несколько снижало, затрепало. Но оно точное. Остановка в творчестве, даже после значительных достижений, очень опасна. Приходится иногда наблюдать печальные картины — человек обольстился легкостью, с которой сначала преодолевал подъем, слишком уверовал в свою исключительность, внутренне распустился, —

КАРА КАРАЕВ,
народный артист СССР

□ □

и незаметно для него самого началась «ходьба на месте». Круг интересов сужается. Задачи, которые теперь ставит перед собой художник, все менее значительны. Он уже не идет в разведку.

Понятно, что творческая разведка не всегда приводит к успеху. Возможны неудачи, ошибки, сомнения. Но не следует, по-моему, в этих случаях торопиться с «отходной», преувеличивать тяжесть ошибки и зачеркивать сделанное художником раньше. Еще много хорошего может он сделать, и нужно верить в это. Надо суметь вовремя помочь.

Но есть и другие, качественно иные ошибки. Они — вовсе не издержки поиска или творческая неудача. Они — результат некритического осмысления происходящей в мире борьбы идеологий, результат забвения революционных принципов нашего искусства. На такую «ошибку» художник не имеет никакого права.

Рассуждая о музыке, об искусстве, о творчестве, мы нередко стесняемся говорить о таких категориях, как талант, дарование, вкус. Вот и я начал разговор с «поиска», а надо было начать с таланта.

Обходя вопрос о таланте, одаренности, вкусе, мы тратим много времени, массу ненужных слов, чтобы приблизительно сказать то, что можно точно определить двумя-тремя словами. Нельзя ими разбрасываться, надо отнестись к ним с большой ответственностью, но пусть они действуют. Вкус, например. Из критического обихода

почти исчезло это понятие. А ведь оно позволяет судить и о внутренней культуре художника, о взвешенности его, о чувстве меры, умении безошибочно отобрать выразительные средства. Гайдн превывшего ценил в Моцарте вкус, а мы знаем, какое это всеобъемлющее явление — Моцарт.

Многое, и правомерно связываем мы с понятием «вкус». Не откровение, например, что оно предполагает широту интересов художника, широту его взглядов на искусство и, значит, способность объективно оценить явление, отличное и даже противоположное личным склонностям и симпатиям.

Нет такой способности — и вкус легко оборачивается вкусовщиной, качеством, тем более вредным, чем авторитетнее критик — композитор, писатель, художник, искусствовед, работник управления или министерства культуры.

Когда с твоим мнением считается общественность, когда оно порой играет едва ли не решающую роль в судьбе произведения и художника (не отделять же его жизнь от жизни сочинения), нужно, очень нужно быть во всеоружии вкуса. Или не судить.

Говоря о законах творчества, мы не можем не учитывать категорию времени. Оно многое помогает понять.

Азербайджанская композиторская школа, например, в течение нескольких десятилетий преодолела путь, который в иных условиях преодолевался столетиями. Кажется, еще вчера, за что бы мы ни брались, мы говорили: впервые в истории народа. Сегодня наша музыка встала в ряды передовых отрядов советской музыки.

Не следует думать, что из про-

цесса развития нашего музыкального искусства выпали какие-то звенья, что он шел конспективно. Отнюдь нет. Это был трудный и уплотненный во времени путь.

Чудесный взлет раскрепощенных духовных сил народа, для которого издавна язык музыки был таким же родным, таким же естественным, как и язык слова, стал возможным благодаря Советской власти, благодаря помощи русской культуры. Она оказала огромное влияние на нашего выдающегося композитора-классика Узеира Гаджибекова, который заложил основы азербайджанской профессиональной музыки.

Сложнейший процесс становления, роста и развития музыкального искусства в нашей республике пришлось (это очень важно!) фактически на жизнь одного поколения. Понятно, что он не мог не выдвинуть, помимо «технических» проблем, нравственные проблемы. То, что вчера было целью художника, сегодня уже считалось элементарным. Надо было идти дальше.

Вот тут-то и подвергалась испытанию жизнеспособность художника. Одни шли дальше, шли вперед, другие замедляли, третьи, вчера еще передовые, становились консерваторами. Это был по-человечески трудный процесс, который идет и сегодня, — задачи все усложняются.

Еще совсем недавно было ясно, что уровень мастерства, уровень профессиональной культуры недостаточен для того, чтобы азербайджанская музыка смогла решать творческие задачи, достойные современности. Необходимо было поднять этот уровень. Эта задача сейчас выполнена. Мы радовались и приветствовали появление боль-

шого количества самых различных произведений. А между тем все настойчивее заявляли о себе новые проблемы.

Произведения, которые написаны только потому, что автор хорошо знает, как строится сонатное аллегро, нас больше не радуют, даже настораживают. Появился такой тревожный симптом, как «всеядность» некоторых молодых композиторов: произведения выходят одно за другим без видимой внутренней потребности, невыстраданные, неотточенные. Один из моих учеников за два года написал два инструментальных концерта, две симфонии, несколько симфонических поэм, камерных произведений, учебных пособий, песни для детей и приступил к оперетте!

Определенный высокий уровень в нашем музыкальном искусстве сегодня достигнут. Но приходится распрощаться с достигнутым, с удобным и идти дальше (по-моему, процесс этот характерен не только для Азербайджана).

Большинство наших молодых композиторов поняли это. Менее стойкие восприняли процесс наступления новых задач и критику в свой адрес, как ущемление прав.

Здесь, как и вообще в творчестве, тоже дело за талантом. Если он есть — молодой композитор поймет в конце концов, что требуют от него искусство и жизнь, он пойдет вперед. Если таланта мало, то шум и крик по поводу «закжима молодежи» его не заменят.

Пожалуй, характернейшая черта нашей жизни — в той необычайной емкости, которую обрело сегодня время. Оно работает на нас, но и предъявляет свои требования. Долг художника — ответить на них.